

**Монография Л. И. Лаврова
«Убыхи».
К 73-летию создания**

**“The Ubykhs”:
the Monograph of L.I. Lavrov
Dedicated to the 73th
Anniversary since its making**

В 2009 г. исполняется 100 лет со дня рождения видного этнографа и историка Леонида Ивановича Лаврова, по праву вошедшего в плеяду классиков отечественного кавказоведения. В ряде статей о Леониде Ивановиче Лаврове, подготовленных к публикации в настоящее время его коллегами и учениками, приводится достаточно подробное описание биографии и научной деятельности этого замечательного ученого (Гаджиев, 1996; Гарданов, 1983; Карпов, Решетов, 2001; Решетов, 1999; Цулая, 1995). Дополняя сказанное, мы сосредоточимся на начальном этапе его жизни, предшествовавшем написанию монографии «Убыхи».

Будущий ученый родился 4 мая 1909 г. в семье священника, проживавшей в то время в станице Медведковской на Кубани. Однако своей родиной Л.И. Лавров считал станицу Пашковскую, куда вскоре переехала его семья. Не будет ошибкой сказать, что вкус к кавказоведению Леонид Иванович почувствовал уже в раннем возрасте: его детские впечатления о жизни своих земляков казаков-черноморцев и их ближайших со-

In 2009 it turns 100 since the birth of Leonid Ivanovich Lavrov, an outstanding ethnographer and historian, who was rightfully included among the classics of our own Caucasian studies. A sufficiently detailed discussion of Leonid Ivanovich Lavrov's biography and scientific activity is presented in a series of essays about this prominent scholar prepared for publication by his colleagues and students in present time (Gadzhiev, 1996; Gardanov, 1983; Karpov, Reshetov, 2001; Reshetov, 1999; Tsulaya, 1995). Adding to that which has already been said we will focus on the early phase of his life preceding the writing of “The Ubykhs” monograph.

This future scholar was born on the 4th of May of 1909 in the family of a priest; at that time they lived in the Medvedkovskaia stanitsa on the Kuban. However, L.I. Lavrov considered his motherland to be the Pashkovskaia stanitsa, where his family moved soon after his birth. It will not be a mistake to say that his taste for Caucasian studies Leonid Ivanovich felt in his early years: his childhood impressions of the life of his fellow countrymen,

седей — жителей адыгейских аулов стали определяющими при выборе профессии. В этой связи примечательно пояснение самого Леонида Ивановича к статье «Станица Пашковская (Из прошлого украинских переселенцев на Кавказе)», где он отметил, что сбор обширных материалов, послуживших основой для этой статьи, был начат им еще в 1916 г., т.е. в то время, когда автору было всего 7 лет.

Личные наблюдения за жизнью казаков и адыгейцев дополнялись рассказами знатоков их недавнего прошлого. Одним из них был кунак отца Л.И. Лаврова — бывший аталык (воспитатель) последнего представителя феодальной фамилии Лакшоковых. Романтика эпических сказаний о нартах и более реальных рассказов о мухаджирах Кавказской войны, «действовала на детское воображение и породила желание ближе познакомиться с прошлым и настоящим адыгейцев, звала к путешествиям» (Лавров, 1982, с. 6).

Однажды и навсегда приняв решение связать свою жизнь с исследованием истории и этнографии народов Кавказа, Л.И. Лавров прошел непростой путь ученичества. В 1928 г., преодолев стоящие перед ним как сыном священника административные препоны, он поступил на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета. Учеба Л.И. Лаврова в университете дополнялась неформальным общением с преподавателями, среди

Cossacks of the Black Sea coast, and their closest neighbors, the inhabitants of *Adygei auls* became determinative in his choosing of a vocation. Thereupon, an explanation of Leonid Ivanovich himself of his essay “The Pashkovskaia Stanitsa (From the Past of Ukrainian Settlers in Caucasus)” is very remarkable; he notes that the collection of vast materials, which served as the foundation for this article, was begun by him back in 1916, i.e. when the author was only seven years of age.

Personal observations of the life of Cossacks and Adygeis were supplemented with the stories of the experts of their recent past. One of such experts was a friend of L.I. Lavrov’s father, former *ataliq* (tutor) of the last representative of the feudal family of Lakshokovy. The romantic side of epic stories of dog-sledges and more real-life stories of muhajirs of the Caucasian War “acted upon a child’s impression and gave birth to desires to get to know the past and the present of the Adygeis better; I was called to travel” (Lavrov, 1982, p. 6).

Having made a decision once and for all to bind his life to researching the history and ethnography of the peoples of Caucasus, L.I. Lavrov followed a tough path of discipleship. In 1928, having overcome the administrative obstacles that rose before him due to his status of the son of a priest, he entered the ethnographic division of the geographical department of the

которых были видные историки, этнографы и лингвисты. В 1931 г., не закончив обучения, студент Лавров был призван в Красную армию, однако, даже будучи на службе, он сумел продолжить образование и окончить университет экстерном. После демобилизации в 1936 г. Л.И. Лавров был принят на работу в кабинет Кавказа Института этнографии, где его научным руководителем стал Анатолий Нестерович Генко, уже знакомый Леониду Ивановичу в качестве преподавателя университета, имя которого он всегда вспоминал с благодарностью.

Обоих связывали не только служебные, но и просто товарищеские отношения. Дочери Анатолия Нестеровича, Галине Анатольевне Генко, ученик ее отца запомнился энергичным и жизнерадостным человеком. В ту пору он нередко появлялся в их доме. Обсуждение научных проблем, начавшись в рабочем кабинете, далее продолжалось за вечерним чаем. «Разговор за столом обычно касался околослужебных тем. Л.И. интересовался отношениями отца с покойным Н.Я. Марром, мнением отца об идеях Н.Я. Много говорили также о массовых арестах среди сотрудников академических учреждений. Разгул репрессий Л.И. воспринимал как козни врагов, а отец настаивал на том, что такой курс сознательно задан сверху. Несмотря на горячий темперамент Л.И., все беседы на эту тему протекали в очень спокойных тонах».

Leningrad University. The studying of L.I. Lavrov in university was supplemented with informal fellowship with his teachers among whom were prominent historians, ethnographers and linguists. In 1931 having not finished his studies student Lavrov was drafted to the Red Army. However during his time in service he managed to continue working on his education and to graduate from university with an external degree. After being demobilized in 1936 L.I. Lavrov was employed by the Caucasus office of the Institute of Ethnography, where Anatolii Nesterovich Genko, already known to Leonid Ivanovich as a university professor, became his scientific adviser. He always remembered his name with gratitude.

The two were connected with official relationships, but also with friendly ones as well. The daughter of Anatolii Nesterovich, Galina Anatolievna Genko, remembers the student of her father as a very energetic and cheerful man. Not infrequently he was showing up at their house. Discussion of scholarly problems, having begun in the office, would continue over a cup of evening tea. "At the table they usually talked about the themes pertaining to work. L.I. took an interest in the father's relationships with late N.Ya. Marr and the father's opinion about the ideas of N.Ya. They spoke a great deal about mass arrests among the employees of the academic establishments. The raging of repressions

В своих воспоминаниях об отце, написанных по нашей просьбе, Галина Анатольевна отметила, что, несмотря на арест А.Н. Генко в апреле 1938 г., Леонид Иванович продолжал приходить к ним в дом. Забегая вперед, скажем, что в 1939 г. Анатолий Нестерович вышел из заключения, но в самом начале Великой Отечественной войны был арестован вновь. В день повторного ареста своего учителя Леонид Иванович принял решение уйти на фронт добровольцем.

В 1937 г. подготовленная Л.И. Лавровым к публикации рукопись «Убыхи» была отдана на рецензию. Отметим, однако, что на ее последней странице поставлена дата «1936 г.», что позволяет говорить о более ранней дате окончания работы над текстом. Исходя из выше сказанного, нам остается признать, что работа над монографией, скорее всего, была начата уже в университетский период биографии Леонида Ивановича (в 1930 г. он совершил экспедицию в причерноморскую Шапсугию, территория которой непосредственно граничила с областью расселения убыхов) и продолжена в период службы в армии, что красноречиво свидетельствует о его чрезвычайной целеустремленности, что отметили все, кто знал этого человека.

Судьба не раз «испытывала на прочность» не только самого Л.И. Лаврова, но и его научные труды. Так, статья «Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.», написанная еще до войны, вышла в свет

L.I. perceived as the crafty designs of the enemy, the father on the other hand insisted that this course of action was consciously posed from above. In spite of the hot temper of L.I., all of the conversations relating to this theme proceeded in peaceful manner”.

In her recollections of her father, which she wrote on our request, Galina Anatolioevna noted that in spite of A.N. Genko’s arrest in April of 1938, Leonid Ivanovich kept on coming to their house. Fast forward to 1939, having served his sentence Anatolii Nesterovich got out, but at the very beginning of the WWII he was arrested again. On the day of the second arrest of his teacher Leonid Ivanovich made a decision to volunteer to the front.

In 1937 “The Ubykhs” manuscript, prepared by L.I. Lavrov for publication, was given for a review. We note, though, that its last page has “1936” for its date, which allows us to speculate about an earlier date of completion of this text. On the assumption of the aforementioned we are left to admit that the work on monograph, most likely, was already begun during the university timeframe of Leonid Ivanovich’s biography (in 1930 he went on an expedition to the pre-Black Sea Shapsugia, the territory of which directly bordered upon the area of Ubykh settlements) and he continued working on it during his service in the army, which eloquently testifies to his extraordinary purposefulness,

лишь в конце 60-х годов (Цулая, 1995, с. 108). В блокадном Ленинграде погибли все этнографические записи и зарисовки, которые еще в юности собирал Л.И. Лавров в станице Пашковская. Их утрата осложнила работу ученого над статьей о своих земляках «Станица Пашковская (Из прошлого украинских переселенцев на Кавказе)».

С того момента, как младший научный сотрудник института этнографии Леонид Лавров завершил работу над книгой «Убыхи» и читатели получили возможность познакомиться с его первым монографическим исследованием, прошло более 70 лет. При подготовке рукописи к изданию мы старались сохранить (насколько это возможно) авторский вариант текста.

По своей структуре монография «Убыхи» четко делится на две части — этнографическую и историческую. Есть все основания предполагать, что автор монографии изначально собирался посвятить убыхам две отдельные работы, но в итоге решил все-таки объединить в одном труде две относительно самостоятельные темы. Подтверждением сказанному служит разная система сносок, используемая Л.И. Лавровым в первой и второй частях рукописи, и, что является еще более веским аргументом, перечеркнутое предложение в конце этнографического раздела, сообщающее о том, что «изложению хода и результатов этой войны автор намерен посвятить особую работу».

which in turn was noted by everyone who knew this man.

Destiny gave L.I. Lavrov “an endurance test”, and not just once. And not just him. His works have also been subject to these tests. Thus, his article “Karachay and Balkaria before the 30s of the 19th century”, written before the war, was published only in the late 60s (Tsulaya, 1995, p. 108). All of his ethnographic notes and sketches perished in the besieged Leningrad; L.I. Lavrov collected those back in his youth on the Pashkovskaia stanitsa. The loss of those materials made the working process on the “The Pashkovskaia Stanitsa (From the Past of Ukrainian Settlers in Caucasus)” so much more difficult, which the scholar wrote about his fellow countrymen.

It has been over 70 years since Leonid Lavrov, a junior research worker of the Institute of Ethnography, completed working on his book “The Ubykhs”, which gave its readers an opportunity to become acquainted with his first monographic research. While preparing the manuscript for publication we tried our best to preserve (as much as we possibly could) the author’s version of the text.

According to its structure “The Ubykhs” monograph is distinctly divided into two parts — an ethnographic one and a historical one. There are all possible grounds to assume that the author of the monograph originally was going to dedicate two separate works to the Ubykhs, but in the end

Отметим некоторые особенности оформления текста. В книге сохранено написание этнонимов абадзеи, натухайцы, садзы в той форме, которую использовал Л.И. Лавров: *абдзахи, натхуаджи, асадзua*. Подобное написание, в настоящее время не встречающееся в этнографической литературе по Кавказу, в большей степени соответствует правильному произношению этих названий на черкесском языке.

Для транскриптивной передачи особенностей звучания абхазо-адыгских языков Л.И. Лавров использует универсальный алфавит Н.Я. Марра, разработанный им для абхазского языка на основе латинской графики еще до революции и введенный в практику в 1926 г. При этом, с точки зрения Н.Б. Вахтина, Л.И. Лавров в ряде случаев отходит от марровского алфавита и использует собственную транскрипцию. В настоящем издании передать используемую Л.И. Лавровым транскрипцию, давно вышедшую из употребления, не представляется возможным, поэтому по нашей просьбе все термины переданы С.З. Кодзовой средствами черкесского языка.

При знакомстве с текстом рукописи обращает на себя внимание странная, на первый взгляд, деталь: в главе «История изучения вопроса» отсутствует какое-либо упоминание о значимой, с точки зрения историографии, статье А.Н. Генко «О языке убыхов», вышедшей в 1928 г. Это игнорирова-

decided to combine two individual themes into one piece of work. Different footnote systems are used by L.I. Lavrov in the first and the second parts of the manuscript, which serves as a confirmation to the assumption. And another — more weighty — argument is the presence of the crossed out sentence at the end of the ethnographic section, which informs us, that “the author intends to dedicate a special piece of work to the account of the course and result of this war”.

We will also note some peculiarities of the design of the text. The book preserves the writing of ethnicons of the Abzekhs, Natekuays, Sadz in the form, which was used by L.I. Lavrov: *Abzdakh, Natkhuaji, Asadzua*. Such writing, not used in present time in ethnographic literature in relation to Caucasus, in great extent corresponds to the correct pronunciation of these names in the Circassian language.

For transcriptive communication of the peculiarities of Abkhazian-Adygei languages L.I. Lavrov uses a universal alphabet of N. Ya. Marr, developed by the latter on the foundation of Latin script before the revolution and introduced into practice in 1926. N.B. Vahtin, however, believes that L.I. Lavrov deviates from the Marr alphabet in a series of cases and uses his own transcription. In the current publication it doesn't seem to be plausible to convey the transcription used by L.I. Lavrov, which is long out of usage, therefore all the terms are com-

ние специальной статьи об убыхах действительно кажется странным, если иметь в виду, что Л.И. Лавров для написания своей работы старался привлечь максимально широкий круг источников. Соответственно не упоминается фамилия А.Н. Генко и в списке используемой литературы. Тем не менее в сюжете, касающемся вопроса бытования убыхского языка, Л.И. Лавров счел необходимым привести следующую цитату: «*Один из авторов* (курсив наш. — Ю.Б.) на основе анализа образцов языка Садша, т.е. асадзуа (джикетов — в позднейшем понимании), в записи Эвлия Челеби в XVII доказывает, что еще в то время они говорили именно на убыхском языке». Не подлежит сомнению, что эта «глухая» ссылка на упомянутую выше статью А.Н. Генко, обусловленная ситуацией, сложившейся вокруг опального ученого во время работы Л.И. Лаврова над рукописью, свидетельствует о его личном мужестве, тем более что запрещенное в связи с арестом имя А.Н. Генко в тексте рукописи Л.И. Лаврова все же встречается.

Безусловно, главный вопрос, который возникает у читателя при знакомстве с книгой со столь значительным архивным «стажем», — это ее актуальность. В данном случае мы можем не опасаться, что труд Л.И. Лаврова представляет лишь сугубо историографический интерес, а его публикация относится к разряду формального ме-

municated by S.Z. Kodzova by means of the Circassian language at our request.

As you get acquainted with the text of the manuscript, one particular detail, quite strange at first, draws your attention: the chapter titled “The History of the Study of the Question” lacks any mention of a significant article, from the historiographic point of view, written by A.N. Genko and titled “About the Language of the Ubykhs”, which was released in 1928. It seems rather strange that this special article on the Ubykhs is ignored, especially if we bear in mind that L.I. Lavrov attempted to enlist as wide a circle of sources as possible. Correspondingly, the name of A.N. Genko is not mentioned in the bibliography used. However, when it came to the issue of the Ubykh language L.I. Lavrov considered it necessary to include the following quote: “On the basis of analysis of the samples of Sadsha language, i.e. Asadzwa (Jigets — in later understanding) in the entry of Evliya Çelebi in the 17th century, *one of the authors* (italic is ours. — Yu.B.) proves that back in those days they in particular spoke the Ubykh language”. There is no doubt that this “muted” reference to the aforementioned article of A.N. Genko, conditioned by the situation around the disgraced scholar during the time of L.I. Lavrov’s writing the manuscript, testifies to his personal courage, all the more so since the name of A.N. Genko, banned

роприятия по поводу 100-летнего юбилея ученого.

Добротно написанная работа об убыхах сама по себе представляет несомненный интерес, поскольку в этнографической литературе работ, посвященных этому народу, крайне мало. Но главное заключается в том, что с выходом книги мы имеем возможность посмотреть на этноисторические процессы, протекавшие в Убыхии и на сопредельных с ней территориях, глазами исследователя, отличавшегося умением создавать целостную картину происходящих событий.

Несмотря на то что к моменту написания работы Л.И. Лаврову было только 27 лет, в ней чувствуется рука зрелого, состоявшегося ученого. При знакомстве с работой возникает ощущение, что автор являлся очевидцем описанных им событий. Подобный эффект возникает только при том условии, если тема исследована всесторонне и автор не боится «неудобных» аспектов рассматриваемой им проблемы.

Чтобы по достоинству оценить сложность выбранной темы исследования, следует отметить, что Л.И. Лавров был практически лишен возможности строить свою работу на основе полевого материала (такого народа, как убыхи, к моменту написания монографии в Советском Союзе уже просто не существовало), что делает этнографическую работу весьма уязвимой.

due to his arrest, occurs in the text of L.I. Lavrov's manuscript.

Undoubtedly, the main question that arises in the mind of its reader as he gets to know this book of quite a sustainable archive "standing" is its urgency. In this case we may not fear that the work of L.I. Lavrov presents an exclusively historiographic interest and his publication is only a formal event on the occasion of the 100th anniversary of the scholar.

A well-written work about the Ubykhs is of great interest in and of itself, since there are only a few pieces about this people group in the ethnographic literature. But the main interest lies in the fact that with the publication of this book we now have the opportunity to glance at the ethno-historical processes proceeding in Ubykhia and the territories contiguous with it with the eyes of a researcher of remarkable skills to create an integral picture of the events happening.

In spite of the fact that L.I. Lavrov was only 27 years of age at the time of writing this piece, it gives a feeling of a mature and successful scholar. Once acquainted with this piece one gets an impression that the author was a direct eye-witness of the events described. Such effect is achieved only on the stipulation that a theme chosen is researched thoroughly and its author is not afraid of "uncomfortable" angles of the problem considered.

In order to estimate the true worth of the complexity of the theme of this

Автор монографии не имел возможности также получить информацию об убыхах, что называется «из вторых рук» — от их ближайших соседей — шапсугов, садзов, абадзехов, так как последние в подавляющем большинстве разделили судьбу своих воинственных союзников по Кавказской войне и переселились в Турцию. В подобных обстоятельствах особое значение имеют письменные источники, но литература об убыхах крайне незначительна, при этом основной корпус сведений имеет откровенно фрагментарный характер. Фольклорный материал также не мог стать серьезным подспорьем при написании работы, т.к. Л.И. Лавров весьма критично оценивал возможности этого источника. «Мы имеем все основания предполагать, — пишет Л.И. Лавров на 118 странице рукописи, — что под убыхским фольклором преподнесен А. Дирром и Ж. Дюмезилем общий фольклор черкесов, убыхов, абхазов и других горцев, живущих в современной Турции». В этой связи трудно переоценить значимость лингвистического материала, критический анализ которого составляет, пожалуй, главную доказательную базу работы.

В процессе работы Л.И. Лавров ответил на ряд сложных вопросов этнической истории убыхов. В первую очередь он дал определение состоянию убыхского общества в конце первой четверти XIX в., когда этническая территория убыхов была вовлечена в орби-

research, it is imperative to note that L.I. Lavrov was practically devoid of opportunities to build his work on the basis of field material (such people group as the Ubykhs did not exist anymore on the territory of the Soviet Union at the time of the manuscript's writing), which makes an ethnographic work very vulnerable. The author of the monograph did not have an opportunity to receive any so-called "second-hand" information about the Ubykhs from their immediate neighbors — Shapsugs, Sadz, Abadzekh — since the latter in overwhelming majority shared the fate of their militant allies in the Caucasian War and migrated to Turkey. In such circumstances written sources are of significant value, but the literature on the Ubykhs is very scarce, and the main bulk of the data has a fragmentary nature at that. The folklore material could not be considered as much help either in the writing process since L. I. Lavrov was extremely critical about the possibilities of this source. "We have all the grounds needed to assume", writes L.I. Lavrov on the 118th page of the manuscript, "that under the pretense of Ubykh folklore A. Dirr and G. Dumézil offer the folklore common to the Circassians, the Ubykhs, Abkhazians and other mountaineers living in the present day Turkey". Thereupon it is hard to overestimate the significance of the linguistic material, the critical analysis of which constitutes, I dare-

ту интересов Российской империи. Вопрос этот весьма сложный, так как в период, предшествовавший Кавказской войне, крайне сложно прочертить этническую и политическую границы, отделяющие убыхов от родственных им абхазских и адыгских обществ, находящихся в состоянии территориального, политического и языкового взаимопроникновения. Отвечая на этот вопрос, Л.И. Лавров, в частности, пишет, что «в XIX веке приходится говорить об Убыхии скорее как о территориально-политической единице, а не этнографическом (лингвистическом) целом». В свою очередь Убыхия как «территориально-политическая единица» не рассматривается им как единое пространство. «Само трафаретное деление убыхов на три части или округа (Сочи или Саше, Вордане и собственно Убых) не имеет в себе другого смысла, кроме деления Убыхии (в первую очередь ее племенной знати) на три различно политически и культурно ориентирующиеся группы: на Сочи господствует абхазо-асадзуаская, на Вордане — шапсуго-натхуаджская и в Убыхе (Верхней Убыхии) — более самобытная».

Особый интерес в работе представляют рассуждения автора об этнической истории убыхов, которых XIX век застал в тесных территориальных границах. Но это лишь заключительная фаза истории носителей убыхского языка на кавказской земле. «Мы вправе предполагать, — пишет Л.И. Лав-

say, the principal verifying basis of the work.

In the development of this piece L.I. Lavrov answered a series of complicated questions of the technical history of the Ubykhs. First of all, he defined the condition of the Ubykh community at the end of the 19th century, when the ethnical territory of theirs was engaged in the sphere of interests of Russian Empire. This issue is quite complicated, since during the time period preceding the Caucasian War it was extremely difficult to draw ethnical and political lines separating the Ubykhs from their kindred — the Abkhazian and Adygei communities, residing in the state of territorial, political and language interpenetration. Answering this question L.I. Lavrov particularly writes that “in the 19th century we are forced to speak of Ubykhia mostly as a territorial unit, and not as an ethnographic (linguistic) whole”. In its own turn Ubykhia “as a territorially political unit” is not rated as a unified space. “The conventional division of the Ubykhs into three parts or districts (Sochi or Sashe, Vordane and in fact Ubykh itself) does not have any other meaning but dividing Ubykhia (first of all its tribal nobility) into three various politically and culturally oriented groups: an Abkhaz-Sadz group rules in Sochi, a Shapsugh Natkhuaji one — in Vordane, and Ubykh (the Upper Ubykhia) is dominated by a more original group”.

ров, — что когда-то он объединял собою *значительно более широкий коллектив* (курсив наш. — Ю.Б.). И мы думаем, что именно этот коллектив, объединенный особым языком, грузинские источники приблизительно до XVI–XVII вв. именуют джикетами т.е. <...> джиками, джихами <...> Без подобного предположения нам не понятен тот факт, что старые кавказские писатели, не замечая особой народности — убыхов, в то же время упорно прослеживают разницу между юго-восточными и северо-западными абхазами, когда такое разграничение последних в те далекие времена не имело еще под собою достаточного основания». Он разделяет мнение А.Н. Генко о вероятной первичности принадлежности джигетов-садзов к убыхам с последующей сильной абхазизацией.

К этому выводу, сделанному в своей первой монографии, Л.И. Лавров вернется позже, используя его на более широком материале, при изучении этнографии абазин, исследовательский интерес к которым сформировался, вероятно, в связи с логическим продолжением работы над «Убыхами». «Источники XVIII–XIX вв. причисляли убыхов обычно к абазинам, а уже тогда исчезающий убыхский язык был известен адыгейцам под названием «абазэ-бзэ» — «абазинский язык» (Лавров, 1978, с. 43). «Возвращаясь к вопросу об убыхском языке, отмечу, что сужение его распространения на абазинской территории в последние века

The author's discussion of ethnical history of the Ubykhs are of particular interest, since the latter were met by the 19th century in small territorial borders. But this is just a closing phase of the history of the native Ubykh speakers on the Caucasian lands. "We have a right to assume", writes L.I. Lavrov, "that it had once united *a considerably wider group under itself* (italic is ours. — Yu.B.). And we believe that it was this group united with a special language that was named Jigets i.e. <...> Jiks, Jikhs <...> by the Georgian sources of about the 16th–17th centuries. Without such an assumption we would not understand how old Caucasian writers, without noticing a particular people group — the Ubykhs, consistently and persistently track a difference between southeastern and northwestern Abkhazians, whereas there were no grounds whatsoever for such a distinction of the latter in those days". He shares the opinion of A.N. Genko about possible initial affiliation of Jigetosadz to the Ubykhs with strong subsequent Abkhaziation.

To this conclusion, reached at the end of his first monograph, L.I. Lavrov will come back to later, using it in much broader material while studying the ethnography of Abkhazians. Most likely he developed a research interest for it since it is a logical follow-up to his working on "The Ubykh" piece. "The sources of the 18th–19th centuries ranked the Ubykhs among the Abazins, and back then already the

дает основание предполагать, что убыхский язык прежде бытовал на более широкой площади и являлся языком древних абазгов».

Как представляется, именно этот вывод составляет базу новаторской гипотезы Л.И. Лаврова о возникновении Абхазского царства, основанного династией из абазинских князей. Свою гипотезу Л.И. Лавров рассматривал как рабочую, но считал, что только с ее помощью можно объяснить, «почему самоназвание абазин сохраняет связь с абазгами, а самоназвание абхазов — с апсилами; почему самоназвание абхазов не согласуется с тем, что чужеземные источники считали последних и грузин абазгами; почему у одной части абазин сохранялся реликтовый убыхский язык и, наконец, почему его называли абазинским языком».

В этнографической части следует отметить главу «Социальный строй», где кроме классической характеристики двух основных (в трактовке автора) находящихся в состоянии острой конфронтации слоев убыхского общества — свободных общинников и родовой знати — Л.И. Лавров представил яркую галерею фигурантов событий Кавказской войны. Представленные персоналии влиятельных убыхских фамилий позволяют не только посмотреть на протекание конфликта «изнутри», но и уйти от распространенного схематичного, обезличенного изображения событий, происходивших на за-

vanishing Ubykh language was known to Adygeis under the name of “Abazebze” — “Abazin language (Lavrov, 1978, p. 43). “Returning to the issue of the Ubykh language, let me note that the narrowing of its spread around the Abazin territory in the later centuries affords grounds to suggest that the Ubykh language previously existed on much wider territories and was the language of the ancient Abazgi”.

As suggested this very conclusion makes up the basis for an innovative hypothesis of L.I. Lavrov about the origin of Abkhazian Kingdom, founded by the dynasty of Abazin princes. His hypothesis L.I. Lavrov considered as a working one, but also believed that only with its help it can be explained “why the Abazin self-designation preserves the connection with the Abazgi, and the Abkhazian self-designation — with the Absilae; why the Abkhazian self-designation is coordinated with the fact that the foreign sources considered the latter and the Georgians to be the Abazgi; why one part of the Abazins preserved the relic Ubykh language, and at last why it was referred to as the Abazin language”.

In the ethnographic part of this piece, in the chapter titled “The Social Structure”, where apart from the classic characteristic of two main (according to the author’s interpretation) layers of the Ubykh community — free communnens and clan nobility, which were in the state of critical confrontation, L.I. Lavrov also presented

падно-кавказском театре военных действий.

Как историк Кавказской войны Л.И. Лавров прекрасно осознавал неоднозначный характер военных действий, которые вели убыхи на различных ее этапах. «Убыхи все еще продолжали рассматривать борьбу с новым противником с точки зрения старых межплеменных набегов, и поэтому, когда в 1831 г. Шапсуги прислали им новое приглашение принять участие в карательной экспедиции против племен, принявших присягу на верность царю, то убыхи почти не откликнулись».

История завершающего этапа войны на Западном Кавказе для Л.И. Лаврова как исследователя в первую очередь представляла интерес в качестве материала для реконструкции процесса формирования государства в убыхском обществе. Подобный подход обусловил тщательный анализ динамики развития общества, фиксацию переломных, ключевых моментов переживаемых обществом, которые нашли отражение в разработанной Л.И. Лавровым периодизации военных действий. В значительной степени периодизация базируется на характере взаимоотношений между вагышами и куаша, которую можно рассматривать как сменяющуюся череду военного союза и острого противостояния. Так, говоря о победном для убыхов 1840-м годе, выделенном в качестве самостоятельного периода, он отмечает: «Во главе

a bright gallery of the figures of the events of Caucasian War. The personalities of the influential Ubykh families presented allow not only to take a look at the conflict flow “from within”, but also give an opportunity to depart from a prevalent schematic and impersonal portrayal of events taking place in the west-Caucasian theater of military operations.

As a historian of the Caucasian War L.I. Lavrov excellently realized the ambiguous nature of the military operations, which were waged by the Ubykhs at its various stages. “The Ubykhs were still viewing fighting a new opponent from the viewpoint of the old intertribal raids. And that’s why when in 1831 the Shapsugh sent them an invitation to take part in the punitive expedition against the tribes who swore an oath of allegiance to the king, the Ubykhs almost did not respond whatsoever”.

The history of the concluding phase of the war in Eastern Caucasus was of interest for L.I. Lavrov, as a researcher, first of all by way of the material of reconstructing the process of forming a state in the Ubykh community. Such an approach conditioned a thorough analysis of dynamics of the community development and fixation of turning-point, key moments lived by the community, which were reflected in the periodization of military actions developed by L.I. Lavrov. In significant degree the periodization is based on the nature of relation-

убыхских военных предприятий стояла местная племенная знать, среди которой непосредственное руководство войсками принадлежало выдающемуся деятелю того времени Хаджи-Догомуко Берзеку. Т.о. в событиях 1840 г. мы видим совместные выступления куашха и вагышей».

В качестве точки отсчета в своей периодизации автор выбирает принципиальное изменение характера боевых действий, связанное с коренным изменением настроения к войне с царской Россией, которое пережило убыхское общество. «Но до второй половины 1830-х годов убыхи принимали в этой войне лишь случайное участие, не защищая своей земли, еще не тронутой врагом. До второй половины 1830-х годов убыхи еще не вели освободительной борьбы».

Процесс изменения сознания, связанный с колоссальным напряжением убыхского общества в период противостояния с Россией, проходил непросто. За исторически короткий период времени убыхи прошли путь от разобщенности до понимания необходимости межплеменной консолидации, создания убыхо-шапсуго-абадзехского меджлиса.

Не все научные взгляды Л.И. Лаврова, как и любого масштабно мыслящего яркого ученого, в полной мере разделялись в научном сообществе. Но полемизировать с ним было задачей непростой: столь характерная для него широта мысли всегда базировалась на на-

ships between Vagyshs and Kuashkha, which may be considered as a rotating sequence of military alliance and acute opposition. Thus, speaking of the year 1840, so victorious for the Ubykhs, singled out in the capacity of an individual period, he says: "At the head of the Ubykh military establishments there was local tribal nobility, among which the direct headship over the armies belonged to Khaji Dogomuko Berzek, a prominent figure of those times. Therefore, in the events of 1840 we see combined efforts of Kuashkha and Vagyshs".

As a reference point in his periodization the author picks a fundamental change of the nature of military actions, which had to do with a radical shift in the moods over the war with the Imperial Russia, which was experienced by the Ubykh community. "But in the second half of the 1830s the Ubykhs took part in this war only by accident, where they did not yet defend their lands still untouched by the enemy. Until the second half of the 1830s the Ubykhs had not yet been fighting a liberation war".

The process of changing awareness that had to do with colossal pressure for the Ubykh community in the time of opposition against Russia did not go by without its complications. For historically short period of time the Ubykhs traveled from disconnection to understanding of the necessity of intertribal consolidation, creating Ubykh-Shapsugh-Abadzekh *majlis*.

дежном фундаменте скрупулезно проверенного материала. Достаточно вспомнить здесь видного абхазского ученого Ш.Д. Инал-Ипа, который, в частности, не принимал утверждения своего оппонента Л.И. Лаврова об убыхо-садзском этническом единстве, отстаивая абхазские корни садзов. Здесь мы можем привести слова самого Шалвы Денисовича, сказанные им по поводу его монографии «Садзы»: «Не бывает исследований, не вызывающих никаких возражений и разногласий. Но есть вместе с тем объективные критики и рецензенты, которые, надо полагать, скажут свое слово, когда монография увидит свет» (Инал -Ипа, 1995, с. 8).

В своем заявлении, которое в 1947 г. Л.И. Лавров направил на имя директора института, обосновав необходимость выпуска своей книги, он подчеркнул ее следующее практическое значение. Полное отсутствие монографий о прошлом той части Кавказского побережья Черного моря, где расположены крупнейшие курорты СССР, «приводит к распространению среди последних (отдыхающих. — Ю.Б.) низкопробных анекдотов, выдаваемых несведущими экскурсоводами за последнее слово науки. Моя работа “Убыхи” должна будет поднять качество работы местных музеев, экскурсоводов и пр.». Со времени написания письма прошло более 60 лет, а ситуация к лучшему не изменилась.

Практическая необходимость выхода в свет книги Л.И. Лаврова

Not all of the scholarly views of L.I. Lavrov, as of any bright globally thinking scholar, were shared in full measure in the scientific community. But to argue with him was not an easy task: the scope of thought, so typical of him, was always based on a reliable foundation of materials religiously tested. It will suffice to remember Sh.D. Inal-Ipa, a prominent Abkhazian scholar, who particularly was not in agreement with the statements of his opponent L.I. Lavrov regarding the Ubykh-Sadz ethnical unity. He was standing up for the Abkhazian roots of the Sadz. We may cite the words of Shalva Denisovich himself, which he said in regards to his own monograph — “The Sadz”: “There are no researches that do not call for any objections or disagreements. And at the same time there are objective critics and reviewers, who, it may be assumed, will say what they have to say when the monograph will see the light” (Inal-Ipa, 1995, p. 8).

In his statement of 1947, which L.I. Lavrov addressed to the director of the institute, in substantiating the necessity of the publication of his book, he underlined its following practical significance. A complete absence of monographs about the past of that part of the Caucasian coast of the Black Sea, where the largest resorts of the USSR are located, “leads to the spread of second-rate anecdotes among the latter (people on vacation. — Yu.B.) which poorly informed tour guides pass off as the last word in science. My piece — “The

доказывается современными реалиями жизни. На сегодняшний день нам стало известно, что на территории Российской Федерации существует общность, позиционирующая себя в качестве убыхов. Поскольку можно с уверенностью говорить о прерванности культурной традиции в связи с исчезновением убыхов с этнической карты нашей страны уже к середине XX в., необходимы дополнительные исследования на месте, т.к. стремление определенной группы людей к этнической самоидентификации в качестве убыхов заслуживает самого пристального внимания.

Своим приятным долгом считаем выразить слова благодарности С.З. Кодзовой и П.И. Погорельскому за консультативную помощь, оказанную при подготовке монографии к изданию.

Гаджиев В.Г. Л.И. Лавров — выдающийся советский кавказовед // *Историография истории Дагестана до советского периода*. Махачкала, 1996.

Гарданов В.К. Л.И. Лавров — выдающийся советский кавказовед // *СЭ*. 1983. № 1.

Генко Г.А. Из личного архива автора.

Инал-Ипа Ш.Д. Садзы: Историко-этнографические очерки // *Материалы к серии «Народы и культуры»*. М., 1995. Вып. XXVIII. Кн. 2.

Карпов Ю.Ю., Решетов А.М. Л.И. Лавров: штрихи к портрету уче-

Ubykhs” — must increase the quality of work of local museums, tour guides, etc.”. Over 60 years have passed since the writing of letter, but the situation has not changed for the better.

The practical necessity of L.I. Lavrov’s book seeing the light is proven by the modern reality of life. Nowadays we have been informed that there is a community on the territory of Russian Federation which positions itself as the Ubykhs. Since we can assuredly speak of the interruption of the cultural tradition due to the disappearance of the Ubykhs from the ethnical map of our country by the middle of the 20th century already, we need additional researches on the spot, since the aspiration of a particular people group for ethnical self-identity of the Ubykhs deserves our careful attention.

I consider it my pleasant duty to express gratitude to S.Z. Kodzova and P.P. Pogorelskii for their consultative help given in preparing this monograph for publication.

Gadzhiev V.G. L.I. Lavrov — a prominent Soviet Caucasologist // *The historiography of the history of Dagestan in the pre-Soviet times*. Makhachkala, 1996.

Gardanov V.K. L.I. Lavrov — a prominent Soviet Caucasologist // *Sovetskaya Etnografiya*. 1983. No 1.

Genko G.F. From the personal archives of the author.

Inal-Ipa Sh.D. The Sadz: Historical ethnographic essays // *The materials for*

ного (к 90-летию со дня рождения) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 1998–1999 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2001.

Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л., 1982.

Решетов А.М. Слово о Леониде Ивановиче Лаврове // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999.

Цулая Г.В. Леонид Иванович Лавров — исследователь народов Кавказа // СЭ. 1995. № 5.

the episode “Peoples and cultures”. Moscow, 1995. Issue XXVIII. Book 2.

Karpov Yu. Yu, Reshetov A.M. L.I. Lavrov: strokes for the portrait of the scholar (for the 90th anniversary since his birth) // Lavrov (Middle-Asian/Caucasian) readings. 1998–1999: Brief content of the reports. SPb, 2001.

Lavrov L.I. Historical ethnographic essays of Caucasus. Leningrad, 1978.

Lavrov L.I. The ethnography of Caucasus. Leningrad, 1982.

Reshetov A.M. A word about Leonid Ivanovich Lavrov // From the cultural heritage of the Slavic population of Kuban. Krasnodar, 1999.

Tsulaya G.V. Leonid Ivanovich Lavrov — a researcher of the peoples of Caucasus // Sovetskaya Etnografiya. 1995. No 5.